

ЛЮБЛИНСКИЙ Виктор Викторович — доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора сравнительного анализа социальной политики Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; lyubl.victor@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ТРУДНАЯ АДАПТАЦИЯ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА

Аннотация. Происходящие в мире в течение последних десятилетий трансформации все сильнее затрагивают государство в основных сферах его социальной деятельности. Оно становится центром противоречий между национальными интересами, политическими практиками и действием глобальных факторов, равно как деятельностью международных институтов. Социальная функция государства ослабевает, необходимость ее все больше оспаривается, под вопрос поставлены многие социальные достижения. Одновременно социальные проблемы становятся острее и все больше приобретают политический характер. Однако значительная часть политического класса, равно как значительная часть общества, пока еще далеки от осознания последствий проводимых реформ социальной сферы. Процесс трансформации мирового социального порядка и связанный с этим рост конфликтности актуализирует проблему развития социального государства в России, способного обеспечить высокий уровень социальной консолидации, что чрезвычайно важно перед лицом нынешних и перспективных вызовов.

Ключевые слова: социальное государство, реформы, мировой порядок, социальная политика, демократия, социальная ответственность, власть, благосостояние, социальная консолидация

Современный мир находится в условиях длительного периода трансформации, связанного с формированием новой глобальной модели развития. Изменения охватывают разные уровни, внутренние и внешние аспекты развития общества и являются манифестацией обострения базовых проблем современной цивилизации, связанных с ресурсами, распределением, экономическими и социально-политическими отношениями.

В связи с этим важно определить, как эти изменения соотносятся с характером развития государства/социального государства (*welfare state / social state*), ибо оно составляет основу современного социального мирового порядка, несмотря на постоянные попытки поставить его под вопрос или хотя бы трансформировать таким образом, чтобы свести его социальную ответственность к минимуму.

Политические смыслы. Прежде всего, необходимо особо подчеркнуть следующее. Социальное государство — основа современной плюралистической демократии, обеспечения политических и социальных прав граждан. В этом контексте нигде в мире, в т.ч. в странах Запада, оно никогда не рассматривалось. Важно отметить, что социальное государство находится в центре политических отношений — отношений по поводу выработки и реализации политической стратегии и политических решений между участниками политического процесса на различных направлениях развития общества. В любом случае они отражают характер сложившихся социально-экономических отношений, которые транслируются на уровень политики, которая призвана находить ответы на возникающие проблемы и вызовы, позволяющие обеспечивать эффективное развитие, безопасность и равновесие в обществе. Причем в современных условиях в социальной политике большое значение приобретает прогностическая составляющая, нацеленная на профилактические решения и действия со стороны властей в отношении возможных конфликтов. Согласно первоначальному замыслу, который так или иначе реализовался в практической политике на протяжении многих

десятилетий, социальное государство стало фактором объединения общества; оно синтезирует различные частные и групповые интересы, регулирует сложные процессы, придавая им упорядоченный характер и подчиняя их конструктивным целям.

В идеале социальное государство является такой организацией общества, при которой доминирующую роль при принятии политических решений играют факторы социального развития, а главной целью выступает рост благосостояния граждан. Но никогда, даже в период быстрого подъема и расширения социального государства во второй половине XX в., подобный подход в политике не был и не мог быть доминирующим, учитывая характер общества, подчиненного логике рыночной эффективности.

Несмотря ни на что, оно выполнило отведенную ему роль, а главное — стабилизировало социально-экономическую и политическую ситуацию, стало важным фактором определенного выравнивания социальных возможностей, развития справедливой социальной конкуренции и политической демократии. Однако уже с момента своего возникновения социальное государство стало также центром конфликтов интересов, ибо необходимость его существования постоянно оспаривалась. По мере роста оно приобрело инерционно-автономный характер развития, выразившийся в неуклонном наращивании социальных расходов. И, постоянно расширяясь, оно утрачивало гибкость и сравнительную эффективность.

Авторы концепции *welfare state* исходили из принципов универсальности и всеобщности, а это требовало кардинальной перестройки системы политического управления. Государство благосостояния «закрывало» значительную часть потребностей общества, которые институты рыночного хозяйства не способны обеспечить. Но эта эпоха закончилась, т.к. в условиях современного глобального миропорядка его устойчивость в силу объективных причин сильно поколебалась. Ослабление социальной политики в связи с экспансией рыночных отношений в эту сферу — очевидное проявление кризиса социального государства в странах Запада. И вокруг этого разворачивается нынешний этап политической драмы.

Важно также определиться с критерием социального государства. В принципе можно сказать, что государство, находясь в центре организации общественно-политической жизни, всегда выполняет те или иные социальные функции. Проявленная достаточно широкая социальная ответственность политической власти, опирающаяся на соответствующие механизмы, обеспечивающие реальные возможности реализации прав социального гражданства, высокий уровень финансирования (социальных расходов и инвестиций) и развитые демократические институты в качестве критерия вряд ли могут рассматриваться. Такой подход недостаточен, т.к. лишен конкретности и четкости.

По нашему мнению, социальное государство можно идентифицировать по двум основным признакам. Первый — цели и масштабы социальной деятельности. Социальным государство становится тогда, когда его политика ориентирована на интересы большей части населения, обеспечение динамического социального равновесия, решение структурных и текущих социально-экономических проблем, сплоченность общества. Второй — это уровень социальных расходов/инвестиций, которые становятся преобладающими как в бюджетах, так и в ВВП развитых стран.

Это означает, что социальное государство как политический институт возможно только при определенном уровне экономического развития. Возможно, но также и необходимо, ибо социальная устойчивость — активное благо и фактор роста. При этом темпы развития социальной сферы, как правило, не должны

опережать экономический рост, чтобы избежать рисков, связанных со снижением мотивации и инфляцией. В то же время если в стратегии экономического роста в должной мере не учитываются социальные факторы, то, несмотря на приращение суммарного благосостояния, общий уровень социальной удовлетворенности может снижаться в условиях роста концентрации доходов и неравенства.

Основа социального государства — это сочетание социальной ответственности власти с развитыми институтами демократии, эффективными профсоюзами и социальным законодательством. Важный момент в связи с этим: декларирование государством социальных прав — это отчасти политическая необходимость. Во многих странах между социальными правами, установленными в законодательстве, и возможностями их использования гражданами, как правило, имеет место разрыв, причем часто существенный. По логике властей предрержащих граждане должны осознавать, что живут в условиях, когда они могут этими правами воспользоваться, даже если эти возможности в реальной жизни могут быть малореализуемыми.

При анализе рассматриваемой проблемы важно также принимать во внимание следующий существенный момент. Государство благосостояния «вызревает» по мере экономического развития — это естественный продукт роста общества. Убедительным примером, подтверждающим данную закономерность, является КНР, которая находится в условиях трансформации модели социально-экономического развития. Высокие темпы роста в этой стране с 1980-х гг. были связаны с низкими издержками, когда страна превращалась в мировую фабрику, ориентированную на внешние рынки. Поэтому проблемы роста благосостояния граждан страны занимали второстепенное место, ибо главным была высокая конкурентоспособность за счет низкой заработной платы и низких социальных издержек. Жизнь подтвердила правильность выработанной КПК стратегии модернизации страны, которая скоро превратится уже в первую экономическую державу мира, играющую первостепенную роль и в мировой политике.

В конце нулевых годов политическое руководство КНР перешло к новому этапу стратегии реформирования общества, который связан с формированием модели развития с акцентом на внутренние источники роста, купирование структурной слабости и уязвимости страны из-за сильной внешней зависимости, в частности, по двум важнейшим показателям — со стороны спроса/потребления и со стороны технологической самостоятельности и независимости. С определенного момента Китай объективно должен был перешагнуть эту отведенную ему западными державами и ТНК роль в мировой экономике.

Решение этих проблем означает перевод общества в новое состояние, когда на первый план в политических решениях выходят социальные проблемы. В социально-политической повестке дня развития Китая — переход к государству благосостояния, которое рассматривается как фактор количественного и качественного роста, развития человеческого капитала и научно-технического потенциала. Но фактор, опосредованный его главным политическим предназначением — нацеленностью на рост социального благосостояния (доходов, потребления, социальных гарантий) и консолидацию общества, тесно взаимосвязан с проблемой социальной справедливости.

Тенденции. Однако все же какова логика и тренды развития социального государства? В свое время его формирование на Западе стало вынужденным политическим выбором, определившим значительное усиление социальной деятельности власти, что фактически явилось отступлением от прежней линии развития мировой цивилизации. В XIX столетии в Европе возникла идеология социального государства, которая, как тогда казалось, несовместима с

реальностью и лишена перспективы. Но развитие общества в XX в. приобрело иной характер. Произошел стратегический разворот государства в «человеческом направлении». Экономический дарвинизм стал сдавать позиции. Страны Запада вступили на путь эволюционной трансформации в направлении «социального роста», что было обусловлено экономическими и политическими факторами. Социальное государство непрерывно развивалось и достигло апогея в конце 1970-х гг., стало неотъемлемой частью политического строя как институт, выполняющий важные и разнообразные политические и социально-экономические функции.

С тех пор там разрабатываются и осуществляются реформы социальной сферы, фактически ставшие непрерывными. Однако происходящие в течение последних десятилетий трансформации, находящие выражение на разных уровнях, включая глобальный, все сильнее затрагивают государство в основных сферах его социальной деятельности. Оно становится центром противоречий между национальными интересами, политическими практиками и действием глобальных факторов, равно как деятельностью международных институтов.

Таким образом, длительный период роста и расширения социального государства завершился. Оно приобрело такие масштабы, что стало обременительным для значительной части социально-экономических групп, определяющих политику. Сейчас социальная функция государства ослабевает, а необходимость его все больше оспаривается. Оно вступило в период глубоких изменений, под вопрос поставлены многие социальные достижения. Активно развивается процесс коммерциализации социальной сферы, ограничивая пространство социальных прав, особенно в медицинском обслуживании и образовании, ухудшаются условия пенсионного обеспечения для будущих поколений пенсионеров, о чем свидетельствует характер проводимых во многих странах пенсионных реформ. Социальная политика ослабляется, она не сбалансирована с экономическим развитием и экономической политикой.

С начала нулевых годов в странах Запада усиливается тренд в сторону минимизации социального государства, возрастает риск дальнейшей «коммерциализации» системы социальных услуг со всеми вытекающими отсюда отнюдь не только социально-экономическими последствиями. Такой вариант реформирования социального государства негативно отражается на развитии общества, демократии, росте благосостояния, обеспечении свободы и прав человека, что предопределяет усиление внутренних и внешних конфликтов.

Можно констатировать, что социальное государство отстывает на основных направлениях. Одновременно социальные проблемы становятся острее, а значит все больше приобретают политический характер. В ЕС возрастают риски «потерять» социальное государство, что угрожает европейским ценностям, которые непосредственно связаны с социальным государством, опираются на него. Однако значительная часть политического класса, равно как значительная часть общества, пока еще далеки от осознания серьезности последствий проводимых реформ социальной сферы.

Фактически мы наблюдаем продолжающуюся эрозию социального государства, ибо это определяет общий контекст: мощные глобальные факторы, демографические изменения, внешняя миграция населения, снижение темпов роста, кризис социальных расходов, рост социального неравенства и социальной конфликтности. В результате многие общества и государства оказались в условиях рисков утраты стабильности. Во внутренней политике многих стран тема сплоченности и справедливости отошла на задний план, если не предана забвению. Властям предрержащим она в нынешних условиях перестала быть интересной. Да и в принципе не может быть сплоченности и справедливости как доминанты в

обществе, построенном на основаниях рыночного эгоизма, где исключительно частные интересы правят бал. Поэтому традиционные политико-правовые функции государства, равно как социально-экономические, испытывают сильное давление и вынужденно меняются.

В то же время необходимо признать, что социальное государство в странах Запада оказалось с начала нулевых годов перед лицом новой реальности, связанной со снижением темпов экономического роста, обострением международной конкуренции, растущими бюджетными дефицитами. В результате социальные проблемы фактически отошли на второй план. И мы наблюдаем продолжающуюся эрозию социального государства в связи с демографическими сдвигами, кризисом социальных расходов, усилением социального неравенства. Как результат, многие общества и государства столкнулись с ростом социально-политической конфликтности. Политические решения, нацеленные на сокращение социальных расходов, принимались, несмотря на рост безработицы и бедности, а часть среднего класса оказалась перед лицом нисходящей мобильности.

Факт значительного воздействия глобальных процессов на социальные государства невозможно оспаривать. И хотя реформы осуществляются, естественно, через национальную политику и институты, это прямое следствие новой логики развития общемировой цивилизации, причем значительно чаще с негативным результатом для таких стран. Однако прав Г. Эспинг-Андерсен — это воздействие пока так или иначе парируется существующими институциональными механизмами и социальными обязательствами, от которых трудно отказаться и которые трудно изменить, учитывая серьезные политические последствия.

Кроме того, национальные правительства, а не глобальные институты, при всем их влиянии, осуществляют власть, формируют и проводят социальную политику, которая остается сугубо национальной. Это, однако, отнюдь не означает, что социальные государства развиваются в сторону унификации. Различные системы благосостояния в ЕС опираются на различные политические стратегии и решения, различные системы поддержки доходов, социальных гарантий, борьбы с бедностью, оказания услуг в сфере образования, здравоохранения. Вместе с тем справедливо мнение, что в отношении менее развитых и политически зависимых стран международные институты в большей степени, чем национальные государства, осуществляют контроль над процессами в социальной сфере [Bochel et al. 2009: 504].

Кроме того, ситуация лишь внешне выглядит не столь драматичной, ибо систему социального благосостояния удается поддерживать за счет растущих заимствований. Однако это значительно осложняет социально-политические проблемы в перспективе.

Сформировался, таким образом, порочный круг, существование которого определено текущими политическими и социально-экономическими интересами. Конечно, национальная политика имеет определенную степень независимости. И некоторые страны могут отойти от масштабного участия в глобальной экономике и возвратиться к протекционистской политике для защиты собственных экономических и социальных интересов [Bochel et al. 2009: 503]. Но эта возможность существует скорее как чисто теоретическая, реальность же диктует «свою волю», противостоять которой, учитывая характер формирования социально-экономической политики, невозможно.

В равной мере государство благосостояния уже длительное время испытывает воздействие мощных внутренних факторов. Один из главных — изменение демографического профиля и старение населения в развитых странах и связанные с этим растущие социальные расходы. Кроме того, во многих странах характер

экономического развития отличается низкими темпами роста, что серьезно ограничивает возможности финансирования социальных программ.

В связи с ростом продолжительности жизни в структуре населения происходит увеличение доли людей старших возрастов. Это создает напряжение в пенсионных системах, в сфере занятости и влияет на характер распределительных отношений. Фактор изменения возрастной структуры и старения населения, несмотря на то что появился не вчера, только начинает проявлять свою активность. Одновременно возрастает роль внешней миграции. Миграционные потоки, как мы видим, захлестывают страны ЕС, и общество не может не реагировать на них, в т.ч. через механизмы социальной политики.

В связи с этим во многих странах уже почти два десятилетия проводятся структурные пенсионные реформы, в которых во главу угла поставлен принцип индивидуальных сбережений, что ставит под вопрос минимальные гарантии, действовавшие в рамках традиционной системы с фиксированными пенсиями. В результате по мере старения многие пенсионеры становятся беднее, а реальная пенсия уменьшается в отсутствие адекватного механизма индексации. В Испании, например, в 2013 г. прекращена практика индексации пенсий в соответствии с ценовой инфляцией, а в Швеции и Польше в 2005–2012 гг. бедность среди пенсионеров почти удвоилась. Это прямой результат пенсионных реформ и ослабления социального страхования как основы социального государства. В этих условиях вполне оправданы прогнозы, говорящие об увеличении числа работников, которые будут обращаться к социальной поддержке, предоставляемой государством, и гарантированным минимальным схемам доходов. И все это — результат пенсионных реформ последнего десятилетия [Welfare State... 2014: 22].

В этих условиях сформировалась идеология новой социальной политики — фактически это попытка соединить несоединимое. Ее авторы исходят из парадоксальной формулы: активное государство, нацеленное на рост благосостояния и повышение качества социальных услуг и одновременно — на сокращение социальных расходов. Но при снижении социальных расходов и инвестиций и дальнейшей поддержке экспансии рыночных отношений неизбежно снижаются возможности государства определять развитие социальной сферы.

В силу этого социальная политика стратегически нацеливается на индивидуальную ответственность гражданина. Поставлен вопрос о новом балансе прав и обязанностей, новой модели взаимоотношений между государством и гражданами, получающими поддержку. Человек в рамках данного подхода рассматривается как активный участник производства социальных благ и процесса принятия решений. В этих целях государство должно создавать необходимую инфраструктуру и условия для того, чтобы противодействовать факторам, действующим в сторону неравенства возможностей [Dingeldey 2005: 4]. Но оно в нынешних условиях все хуже справляется с этой обязанностью. Иными словами, совокупная мощь глобальных и иных факторов, с которыми столкнулось социальное государство, оказалась несопоставимой с уменьшающимися возможностями социальной политики и выделяемых на нее ресурсов в отдельных странах.

Закономерность такова, что в условиях расширения пространства рыночного регулирования и снижения социальной роли государства происходит увеличение уровня социального неравенства и концентрации богатства. В свою очередь, это усиливает конфликтогенность общества. Такая ситуация формирует новую, социально и политически напряженную атмосферу кризиса доверия к институтам власти. Кроме того, в современном глобальном мире многие социальные проблемы не могут быть решены на национальном и региональном уровне, ибо их источником является деятельность ТНК и международных институтов.

Перспективы. Возникает вопрос: каковы перспективы социального государства в мире в целом и в России в частности? Для ответа на него необходимо прежде всего учитывать общемировой контекст развития. Борьба за ресурсы усиливается в связи с ростом народонаселения, коммуникаций, миграции населения. Возрастает конкуренция в традиционно привлекательных в отношении ресурсов и инвестиций регионах, которая захватывает весь мир. Развитые районы мира стали объектом активной миграции.

За занавесом скрыты интересы ТНК, которые фактически определяют характер мировых процессов и мировой политики. Но они также не консолидированы. Усиливаются конкуренция и борьба внутри сообщества международных финансово-промышленных групп.

С начала столетия после значительной паузы начался новый тренд роста социального неравенства и дифференциации доходов и собственности в странах Запада. Значительно возрос с начала реформ уровень социального неравенства в странах с развивающейся экономикой, в частности в КНР и России. Исключением является Бразилия, которая смогла добиться определенных результатов в борьбе бедностью и нищетой, хотя надо учитывать, что уровень неравенства в этой большой стране был одним из самых высоких в мире, и любые действия в области социальной политики могли способствовать только улучшению социальной ситуации.

В социальном плане в странах Запада на кону находится нынешний уровень экономического и социального благосостояния и политического влияния, в частности уровень потребления, уровень социальных гарантий, соразмерность которых нарушена, и эта диспропорциональность усиливается.

Данный аспект современного развития во многом недооценивается. Между тем социальные факторы в последние десятилетия приобрели равновеликое значение. Несоразмерно высокий уровень потребления в странах стран Запада (особенно в США) по сравнению с их реальным вкладом в мировой ВВП приводит к снижению уровня благосостояния в других странах мира. За это им пришлось платить ростом бюджетных дефицитов и задолженности — проблема, которая пока остается неразрешимой. И это серьезный конфликт, который влияет на характер международной политики.

Особенность ситуации состоит в том, что, несмотря на отмеченные несоразмерности, уровень взаимозависимости различных стран с развитой и с развивающейся рыночной экономикой чрезвычайно высок, причем ни одна страна не может эффективно развиваться вне рамок глобальной конкуренции и международной кооперации. Такого уровня взаимозависимости в прежние времена никогда не было. Но в рамках этой глобальной модели разворачивается жесткое противоборство, которое будет усиливаться, ибо усиливается борьба за ресурсы и мировое лидерство.

В то же время данный тренд отражает движение современного социального миропорядка в сторону глобальной сбалансированности. Одновременно с трансформацией социального государства на Западе отмечается рост социальной активности государства в странах Азии и Латинской Америки. Несмотря ни на что, идеология социального государства демонстрирует свою жизнеспособность и востребована в современном мире. Как парадоксальное следствие глобализации, социальное государство достаточно быстро развивается в странах с развивающейся экономикой, что находит выражение в уровнях финансирования и законодательстве [Reshaping Welfare... 2014: 28].

Свидетельством этого является как рост социальных расходов (доля стран Азии, например, в мировых социальных расходах составила в 2010 г. около 10%), так и становление всеобъемлющих систем социальной защиты. По мере про-

мышленного роста, повышения своей роли в мировой экономике и влияния в международной политике эти страны проходят этап формирования своих моделей социального государства. И здесь уже достигнуты определенные результаты. По данным ОЭСР, в 2012 г. всеобъемлющие программы социальной защиты, которые ассоциируются с социальным государством, имели место в 70% стран с высоким уровнем доходов, 29% стран со средними доходами и в менее 5% стран с низким уровнем доходов. В 1990 г. 80% социальных расходов в мире концентрировалось в странах с высоким уровнем доходов, в которых проживало только 20% населения. Но спустя два десятилетия ситуация в глобальном распределении социальных расходов значительно изменилась. Сейчас 80% этих расходов приходится на страны, доля мирового населения которых составляет 40% [Society at a Glance... 2014: 54, 58].

Однако диспропорциональность в социальном развитии на мировом уровне все еще весьма значительна. В странах с развивающейся рыночной экономикой (страны Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона) средний уровень суммарных социальных расходов в ВВП в 2–4 раза меньше по сравнению со странами Запада. Естественно, что такая ситуация не может не являться источником напряжений, влияет на развитие мировой социально-политической ситуации. Раньше регионы мира были во многом автономными и изолированными. Но глобальный мир сблизил людей и цивилизации. Именно в условиях обострения региональных конфликтов и кризисов и при наличии современных коммуникаций это привело к массовому исходу населения из конфликтных регионов мира (Ближний и Средний Восток, Африка) в богатые страны ЕС. Это не только стало выражением стремления граждан этих стран спастись от ужасов внутренних конфликтов, но в значительной степени связано со стремлением «войти» в социальный порядок, обеспечивающий высокий уровень жизни и социальных гарантий. Собственно говоря, во многом подобная мотивация взорвала ситуацию и на Украине.

Трансформация мирового порядка приводит к обострению социальных проблем и повышает ответственность властей за политические решения. Важнейшую роль в этих условиях играет социальная политика — как стабилизатор социально-политических отношений и регулирующий фактор через социальное выравнивание, поддержку доходов и потребления домохозяйств. Однако необходимо учитывать, что со времен господства кейнсианской политики мир изменился, став глобальным и сильно взаимозависимым, и во главу угла во многих странах поставлена задача финансовой консолидации. В этом случае прибегают к мерам, связанным с сокращением государственных расходов, что, естественно, отражается на приоритетах и наносит удар по социальным программам. Трансформация социального государства в странах Запада осуществляется путем ограничения сферы его активности наиболее нуждающимися социальными группами. Так называемая активная политика на рынке труда (*workfare*) является одним из основных направлений социальной политики и ограничивает свое внимание проблемами тех социальных групп, которые оказываются не в состоянии вернуться к работе и поддержка которых сворачивается.

Таким образом, под вопросом в долговременном плане находится мировой экономический и социально-политический порядок, основанный на господстве и подчинении. В результате растет его неустойчивость и одновременно необходимость в трансформации модели развития мировой цивилизации в сторону равновесия, а значит равноправных отношений. Причем разворачивающиеся конфликты, инициированные странами Запада на уровне геополитических интересов, часто приводят к ситуациям, ставящим под вопрос принципы нрав-

ственности и демократии, что свидетельствует о глубоком кризисе и бесперспективности нынешней модели миропорядка.

Процесс трансформации мирового социального порядка и связанный с этим рост конфликтности актуализирует проблему развития социального государства в России — но эффективного, большого и сильного, способного интегрировать общество, обеспечить высокий уровень социальной консолидации перед лицом нынешних и перспективных вызовов развития страны. Правительству следовало бы поставить в центр социальной политики задачу, связанную с утверждением принципа социальной справедливости, что означает необходимость изменений в сфере распределения богатства и доходов, а она наиболее конфликтна. Весьма важна регулирующая роль государства, связанная с созданием благоприятных и равных базовых условий для развития социальных групп, условий для справедливой социальной конкуренции в целях осуществления эффективного социально-профессионального отбора и функционирования социально-экономической и политической системы.

В социальной политике Россия стоит перед сложным политическим выбором. Один вариант — это нынешняя стратегия минимизации социальной роли государства, которая осуществляется в странах Запада. Судя по всему, к этому образу социального государства склоняется часть правящего класса России с целью снижения финансовой нагрузки на бизнес. Но это связано с социальными издержками: ухудшением условий жизни значительной части населения и ростом бедности.

Страны с развивающейся рыночной экономикой решают проблемы, которые, как показывает практика, решить таким путем невозможно. Рекомендации МВФ, которым многие из них следовали, не привели ни к чему, кроме как к обострению социально-экономических проблем.

Другой путь — акцент на рост социального государства, что предполагает повышение социальной ответственности власти и бизнеса. Он связан, помимо прочего, с формированием социально равновесной модели распределения, которая является важным элементом полноценного социального государства и источником роста благосостояния. Обществу, людям необходимо дать ощущение справедливости со стороны власти, соответствующую программу развития страны, понятные цели. Иными словами, дать то, что сейчас отсутствует, ибо во многих сферах жизни доминирует несправедливость, за исключением разве что внешней политики. А в таких условиях успешно решать проблемы страны невозможно; в лучшем случае она будет топтаться на месте со всеми вытекающими отсюда политическими рисками.

По какому пути пойдет Россия в развитии социального государства и социальной политики — в этом конфликт и серьезный политический выбор.

Люди должны почувствовать разворот власти к справедливости, и с этого принципиального момента может начаться реальная модернизация России на основе реальной и долговременной консолидации общества. Готова ли власть к этому?

Список литературы

Bochel H., Bochel C., Page R., Sykes R. 2009. *Social Policy. Themes, Issues and Debates*. 2nd ed. Edinburgh Gate: Pearson Education Limited. 540 p.

Dingeldey I. 2005. Welfare State Transformation between 'Workfare' and an 'Enabling' State. A Comparative Analysis. — *TranState Working Papers*. No. 21. Bremen. 40 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/28271/1/49782261x.pdf>

Reshaping Welfare Institutions in China and the Nordic Countries (ed. by P. Kettunen, S. Kuhnle, Y. Ren). 2014. Helsinki: Nordic Centre of Excellence Nordwel. 317 p.

Society at a Glance: Asia/Pacific. 2014. P.: OECD Publishing. 130 p.

Welfare State at Risk. Rising Inequality in Europe (ed. by D. Eißel, E. Rokicka, J. Leaman). 2014. Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London: Springer. 236 p.

LYUBLINSKIY Victor Victorovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief Researcher, Head of the Department of Comparative Analysis of Social Policy, Institute of Sociology, RAS (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; lyubl.victor@yandex.ru)

THE WELFARE STATE: A DIFFICULT ADAPTATION TO THE CHANGING WORLD ORDER

Abstract. The transformations taking place in the world within the last decades increasingly affect the state in major spheres of its social activities. Welfare state becomes the center of the contradictions between national interests, political practices and global factors, as well as the activities of international institutions. Social function of the state is weakening, the need for it is being challenged, and many social achievements have been put into question. At the same time, social problems become more acute and increasingly acquire a political character. However, a significant part of the political class, as well as a significant part of the society, is still far from realizing the consequences of ongoing social reforms. The process of transformation of the world social order and associated increase of conflict potential actualize the problem of the development of the welfare state in Russia, capable to provide a high level of social cohesion, which is extremely important in the face of current and future challenges.

Keywords: welfare state, reforms, world order, social policy, democracy, social responsibility, power, wealth, social consolidation

---

ЖВИТИАШВИЛИ Анатолий Шалвович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной структуры Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; zhvitiashvili-a@mail.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ: ЗАПАДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье рассматриваются современные институты перераспределения, распространенные в западных странах. Выделяются государственные и негосударственные институты перераспределения. Государственные институты рассматриваются в рамках государства благосостояния. Разные типы государства благосостояния осуществляют разные стратегии перераспределения, которые допускают разные уровни социального неравенства. Негосударственные институты перераспределения представлены планом акционерной собственности наемных работников (ESOP), опционной системой и проектом Всемирной сети базового дохода. Западный опыт перераспределения может быть полезен для современной России, где проблема социального неравенства стоит крайне остро.

Ключевые слова: социальное равенство, социальное неравенство, государственные и негосударственные институты перераспределения

Постановка проблемы

Проблема социального неравенства — одна из ключевых проблем общества. На Западе ее поднимает новый технологический переход, сопровождающийся кризисом институциональной системы индустриальной эпохи. В России острота социального неравенства не спадает с тех пор, как в жизнь страны вошли частная собственность, рынок и идеология потребления. По оценкам исследователей, в современной России на долю 1% ее граждан приходится 71% всех активов домо-